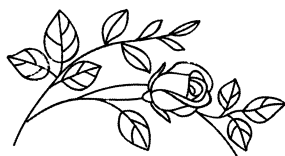

Посвящается
Аве, Эмили и Лие,
моим смелым и неудержимым
девочкам

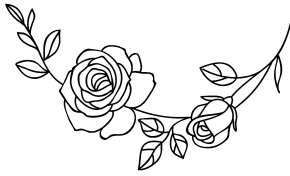

A decorative rectangular frame with a white border on a gray background. The frame features four square corner ornaments. Inside the frame, a white line-art branch with several leaves is positioned at the top right and bottom left. A dotted white line forms a semi-circle in the upper left and lower right quadrants.

*Записывай, велел он мне.
Прибыв на место, записывай каждое
слово, пока не забылась истина.
И теперь мы записываем, по крайней
мере те части, которые помним.*

— Трейсон Белленджер, 14 лет

КАЗИМИРА ИЗ БРАЙТМИСТА

Призраки не исчезли. Они застыли в пространстве, ледяными головами нашептывая предостережения. Но меня они не пугали.

Я уже знала истину.

Духи — они никогда не уходят. Вывают к тебе в самые неожиданные моменты. Руки их сплетаются с твоими руками, тянут за собой по тропинкам, ведущим в никуда. «Сюда, сюда!» — влекут они. Я почти научилась заглушать их голоса.

Мы ехали через долину Стражей, сверху на нас смотрели руины Древних. Мой конь настороженно наострил уши, хрипло фыркнул. Он тоже все знал. Чтобы успокоить, я похлопала его по шее. Со времен Великой битвы прошло шесть лет, но шрамы были по-прежнему видны: заросшие травой перевернутые повозки; разбросанные кости, вырытые из могил голодными хищниками; устремленные к небу ребра гигантских брезалотов; птицы, сидящие на изящных выбеленных клетках.

Я ощущала присутствие любопытных призраков: они парили среди нас, пристально наблюдая. Один

из них прижал холодный палец к моим губам, предостерегая: «Т-с-с-с, *Кази, держи рот на замке*».

Пока Натия бесстрашно вела нас вглубь долины, наши взгляды скользили по скалистым утесам, замечая следы послевоенной разрухи, которая постепенно поглощалась почвой, временем и памятью, словно зайца проглатывала змея. Пройдет немного времени, прежде чем этот хаос окажется погребен в чреве земли. И кто тогда будет помнить?

На середине пути, когда долина сузилась, Натия остановила лошадь, спешила и достала из седельной сумки сложенную белую ткань. Рен последовала за ней — ее худые ноги двигались по земле тихо, словно птицы. Синове замешкалась, бросив на меня неуверенный взгляд. Хотя она и была сильнее всех нас, не спешила покидать седло. Даже при ярком солнце ей не нравились беседы о призраках: те слишком часто навевались в ее сны. Заметив тревогу Синове, я ободряюще кивнула, и мы обе соскользнули с лошадей.

Натия, теребя ткань в смуглых пальцах, остановилась у большого зеленого кургана. Она будто знала, что скрывалось под плетеным травяным покрывалом. Это длилось всего несколько секунд, но показалось вечностью. Девятнадцатилетняя Натия была на два года старше нас, но в этот момент она выглядела гораздо взрослее. Эта девушка видела то, о чем нам лишь доводилось слышать.

Натия, слегка покачав головой, подошла к разбросанной куче камней и принялась складывать их в скромный мемориал.

— Кто здесь похоронен? — отважилась спросить я.

Натия плотно сжала губы.

— Джеб. Его так звали. По традициям далбретчей его тело сожгли на погребальном костре. Здесь я закопала его немногочисленные вещи.

«*Потому что так принято у бродяг*», — подумала я, но не высказала этой мысли.

Натия мало рассказывала о прежней жизни — о жизни, которая была у нее прежде, чем она прибыла в Венду и стала рахтаном. Впрочем, я тоже редко говорила о минувших днях. Некоторым событиям лучше оставаться в прошлом.

Рен и Синове неловко переминались с ноги на ногу, приминая сапогами траву. Натия не любила проявлять сентиментальность, даже тихо, как сейчас, особенно когда это нарушало план действий. Но на этот раз она медлила. Слова, которые привели нас в долину, повисли в воздухе. «*Они все еще здесь*».

— Он был особенным? — продолжила я.

Натия кивнула.

— Все они были. Но Джеб многому меня научил, и эти знания помогли мне выжить. — Она повернулась, окинув нас строгим взглядом. — А потом я передала их вам. *Будем надеяться*.

Натия смотрела на нас темными глазами из-под густых черных ресниц. Взгляд ее смягчился. Она изучала нашу троицу так, словно была опытным генералом, а мы — оборванными солдатами. Что ж, в каком-то смысле так и было, ведь мы являлись самыми юными из рахтан, но все же рахтанами. Это что-то значило. Больше, чем что-то. Мы были элитой королевской гвардии. Мы не поднялись бы до такого положения, будучи неуклюжими дурочками. Во всяком случае, не постоянно. Мы выделялись уровнем подготовки и талантом.

Взгляд Натии задержался на мне чуть дольше. В предстоящей миссии меня назначили лидером — я была ответственна за принятие не просто правильных, а идеальных решений. И это значило не только добиться успешного выполнения задания, но и обеспечить безопасность каждого участника.

— Мы справимся, — пообещала я.

— Определенно, — отозвалась Рен, нетерпеливо сдвывая со лба темный локон. Измотанная ожиданием, как и все мы, она хотела поскорее отправиться в путь.

Синове стала теребить одну из своих длинных косичек цвета хурмы.

— Все будет хорошо. У нас...

— Знаю, — перебила Натия, махнув рукой, чтобы остановить дальнейшие объяснения Синове. — У нас все получится. Но не забывайте, что сначала мы идем в поселение и только потом — в Хеллсмаус. Наша главная задача — задать вопросы, собрать информацию, добыть необходимые припасы. И что самое важное — держитесь в тени, пока мы не доберемся до места.

Рен фыркнула.

Я всегда знала, что сдержанность — одна из моих главных черт, однако на этот раз передо мной стояла другая задача — ввязаться в неприятности.

Шум приближающихся лошадей прервал напряженный диалог.

— Натия! — звал Эбен.

Мы все обернулись. Лошадь Эбена взметала в воздух комья травы. Глаза Синове засияли, будто солнце подмигнуло ей из-за туч.

Эбен объехал вокруг Натии, не сводя с нее взгляд:

— Гриз в дурном настроении. Он хочет уезжать.

— Уже идем.

Натия встряхнула сложенную ткань. Оказалось, это была не просто ткань, а изумительной красоты рубашка. Она прижала ее к щеке, а затем поместила на каменный мемориал.

— Лен Круваса, Джеб, — прошептала она. — Самый лучший.

В начале долины Натия вновь остановилась.

— Запомните, — обратилась она к нам, в последний раз оглянувшись. — Двадцать тысяч — вот сколько людей погибло здесь за один день. Венданцы, морриганцы, далбретчи. Я не знала их всех, но кто-то знал. Кто-то, кто принес бы им луговой цветок, если мог.

Или рубашку из прекрасного льна Круваса.

Теперь я поняла, зачем Натия привела нас сюда. Это был приказ королевы.

«Смотрите внимательно, запоминайте масштабы потерь. Эти жертвы, эти люди были кем-то любимы. Прежде чем приступить к заданию, взгляните на разрушения и навсегда запомните, что они совершили. Знайте, что поставлено на карту, и помните: рано или поздно драконы просыпаются и вылезают из своего черного логова».

Я видела тревогу в глазах королевы, слышала в голосе. И связана она была не только с прошлым. Королева боялась за будущее. Что-то назревало, и она отчаянно пыталась это остановить.

Я бросила взгляд на долину. На большом расстоянии кости и повозки терялись в безмятежном зеленом море, скрывая правду.

Ничто не было тем, чем казалось.

Ворчание Гриза по поводу предстоящей ночевки — дело обычное. Он предпочитал рано разбивать лагерь и так же рано уходить, иногда даже до рассвета, как будто одерживая победу над солнцем. Когда мы вернулись, его лошадь уже была готова, а костер потушен. Все, что ему оставалось, — нетерпеливо наблюдать, как мы пристегивали к седлам спальники и мешки.

Примерно через час нам предстояло разойтись в разные стороны. Гриз направлялся в Сивику, в Морриган, чтобы передать королю, брату королевы, новости. Доставка важных посланий королева не доверяла никому, даже вальспрею, которого нередко использовала для передачи незначительных сообщений. Она прекрасно понимала, что на вальспрея могли напасть птицы или намеренно сбить люди. Гриза же ничто не могло остановить, за исключением, пожалуй, непреодолимого желания заглянуть в Терравин, — возможно, поэтому он так торопился. Синове любила подтрунивать над Гризом и постоянно донимала его шутками о возлюбленной из Терравина, при этом ее слова всегда поднимали бурю эмоций и отрицаний. Гриз был рахтаном старой закалки, хотя в наше время рахтаны уже не являлись той элитной, живущей по строгим правилам десяткой. Теперь нас стало двадцать. С приходом королевы к власти многое изменилось, в том числе и я.

Пока я складывала палатку, Гриз подошел ко мне, встал рядом и стал наблюдать. Я была единственной, кто пользовался палаткой, — она была совсем небольшой и не занимала много места.

Когда во время миссии в южной провинции Гриз впервые увидел мое снаряжение, он был против и молчать не стал. «*Мы не спим в палатках*», — проворчал он с отвращением. Я до сих пор помнила, как неловко мне стало. Однако в последующие недели сумела переплавить стыд в решимость. Слабость делает человека мишенью, а я давно пообещала себе не становиться жертвой. Поэтому похоронила стыд глубоко под броней, которую не могли пробить никакие оскорбления.

Гриз смотрел угрюмо, загораживая мне свет своей громадной фигурой.

— Неужели ты не одобряешь мою технику складывания? — спросила я.

Он промолчал.

— В чем дело, Гриз? — отчеканила я, обернувшись.

Он потер пальцами заросший щетиной подбородок.

— Между нами и Хеллсмаусом простираются *равнины*. *Пустынные земли*.

— К чему ты клонишь?

— Ты... *не страдаешь*?

Я встала, бросив ему сложенную палатку. Он поймал ее.

— Я справлюсь, Гриз. Не переживай за меня.

Он нерешительно кивнул.

— Главный вопрос в том, — добавила я, помедлив для эффекта, — справишься ли *ты*?

Гриз выгнул бровь, бросил на меня озадаченный взгляд и потянулся к ножнам на боку.

Улыбаясь, я продемонстрировала ему украденный кинжал.

Его недовольство сменилось ухмылкой. Он вложил кинжал в ножны и, приподняв густые брови, одобрительно покачал головой.

— Держи нос по ветру, Десятка.

Десятка — мое второе имя, завоеванное невероятным трудом. Признание моих способностей. В знак благодарности я подвигала всеми десятью пальцами.

Никто, тем более Гриз, никогда не забудет, каких усилий мне это стоило.

— Эй, ты хотел сказать *против* ветра? — отозвался Эбен.

Я бросила на него взгляд. И никто, особенно Эбен, не забудет, что моя жизнь в качестве рахтана началась в тот день, когда я плюнула в лицо королеве.

КАЗИ

Я заметила королеву, когда она шла по узким грязным улочкам Брайтмиста. Я ничего не планировала, но порой случайные действия способны направить нас неожиданным путем, изменить судьбу и то, что определяет нас. Вот пример: Казимира, сирота, уличная воровка, бросила вызов королеве и превратилась в рахтана.

В шесть лет меня толкнули на один путь, а позже — в день, когда я плюнула новой королеве в лицо, — моя жизненная дорога резко свернула. Улыбка королевы — весьма неожиданная реакция на мой поступок — определила не только мое будущее, но и будущее королевства. Ее меч висел в ножнах на боку. Толпа зевая, затаив дыхание, ждала дальнейшего развития событий. Все знали, что случилось в подобных ситуациях *раньше*. Будь она Комизаром, я бы уже давно лежала без головы. На самом деле ее улыбка испугала меня даже больше, чем меч: я поняла, что прежняя Венда, где я так хорошо ориентировалась, осталась в памяти. И я возненавидела ее за это.

Выяснив, что я сирота, она велела стражникам привести меня в Санктум. В то время мне казалось, что я очень умная. Слишком умная по сравнению

с молодой королевой. На тот день мне уже исполнилось одиннадцать, и, конечно, я не терпела, когда вмешивались в мои дела. Я думала, что перехитрю ее так же, как и всех остальных. В конце концов, это было *мое* царство. Все десять пальцев находились при мне — и репутация в придачу. На улицах Венды меня благоговейным шепотом называли Десяткой.

Вор или *мнимый* вор с десятью пальцами считался легендой. Окажись я пойманной с краденым товаром, мое прозвище в одночасье сменилось бы на Девятку. Восемь квотерлордов, назначавших наказание за воровство, называли меня иначе: для них я была Теневой странницей, так как даже в полдень, клялись они, я могла наколдовать ночь и скрыться под ее покровом. Некоторые, завидев меня за версту, начинали судорожно теревить амулеты, спрятанные под одеждой. Что бы ни говорили, но удачу мне приносила не только темнота. Знание людей и уличной политики — вот что являлось залогом моего успеха. Я оттачивала навыки, сталкиваясь лбами квотерлордов и купцов. Я будто была музыкантом, а они — барабанами под моими ладонями. Они хвастались друг перед другом, утверждая, что мне никогда не обвести их вокруг пальца, пока я ловко избавляла их от вещей, которым могла найти лучшее применение. Их неисчерпаемый эгоизм стал моим верным сообщником. Извилистые переулки, туннели и переходы служили мне школой, а желудок — неумолимым наставником. Но мной управлял и другой, более глубокий вид голода — жажда ответов, которые было не так просто вытящить из имущества надменного лорда.

Вот только из-за королевы знакомый мне мир в одночасье разрушился. Я голодала и пускала в ход когти, чтобы достичь этого положения, и меньше всего на свете мне хотелось его лишаться. Тесные извили-

стые улочки Венды — это все, что я когда-либо знала. И ее воровской мир — все, что я понимала. Мою вселенную населяли люди, ценившие тепло конского навоза в зимнюю пору, нож в мешке из рогожи и дорожку из зерна, хмурый взгляд обманутого торговца, который вдруг осознал, что в его корзине не хватало яйца или даже целой курицы. К слову, мне удавалось исчезать и с более крупным и шумным товаром.

Возможно, мне и нравилось утверждать, что на воровство меня толкал голод, однако это было не совсем так. Случалось, я воровала у квотерлордов, чтобы сделать их жалкую жизнь еще более жалкой. Частенько мне в голову закрадывалась мысль: стань я квотерлордом, я бы тоже отрубала пальцы в стремлении продемонстрировать власть? Ведь я давно усвоила, что власть, подобно теплему хлебу, соблазнительна и вкусна, и иногда даже крупица превосходства над квотерлордами могла заменить мне пищу.

С подписанием новых договоров между королевствами, разрешающих заселение Кам-Ланто, люди, для кого и с кем я воровала, один за другим начали перебираться туда, желая начать новую жизнь среди этих просторов. В один миг из легенды я превратилась в бесполезную птицу, хлопающую оципанными крыльями. Я же, несмотря на ощущение собственной никчемности, не хотела переселяться в деревню, расположенную посередине неизвестности. Я просто *не могла* этого сделать. В девять лет, когда я вышла за стены Санктума в поисках ответов, я оглянулась на исчезающий город и ощутила, что я — всего лишь пятнышко среди пустого ландшафта. От увиденного у меня перехватило дыхание. Небо над головой тошнотворно закружилось; чувство уязвимости накрыло удушающей волной. Я вдруг осознала, что прятаться

было негде. Ни теней, ни палаток, ни лестниц, ни кроватей. Мне негде было раствориться, негде спастись, некуда убежать. Прочный каркас моего мира — пол, потолок, стены — в одночасье исчез. Не раздумывая, я вернулась в город и больше никогда его не покидала.

Я знала, что под открытым небом мне не выжить, поэтому, чтобы спасти свое привычное существование, я решилась на тот дерзкий поступок. Однажды у меня уже украли жизнь, и я не могла позволить этому повториться.

Но как бы сильно ни противилась, это все-таки произошло. Человек не в силах сдержать прилив. Новый мир, как вода у берега, подступил к моим ногам и утонул в свои течения.

Первые месяцы в Санктуме прошли беспокойно. Я часто задавалась вопросом: почему меня до сих пор не задушили? Я бы на их месте так и поступила. Я тайком проникала в чужие покои, крадя все, что попадалось мне на глаза, и прятала в тайном коридоре под лестницей Восточной башни. Из личных комнат мне удалось утащить немало вещей: любимый шарф Натии, сапоги Эбена, деревянные ложки повара, мечи, пояса, книги, алебарды, расческу королевы. Иногда я возвращала украденные вещи владельцам, одаривая их милостью, как капризная королева, а иногда — оставляла себе. Когда в третий раз я стащила бритву Гриза, он разразился бранью и бросился за мной вдогонку по коридорам замка.

Однажды утром, когда я зашла в галерею Совета, королева вдруг заплодировала мне, сказав, что я в совершенстве освоила воровство, но теперь настало время приобрести и другие навыки.

Она встала и протянула мне меч. Тот, что я недавно украдала.